

Научная статья | Original paper

Трудные жизненные ситуации и аутентичность личности (на примере российского студенчества)

С.К. Нартова-Бочавер ✉, Р.М. Байрамян

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

✉ snartovabochaver@hse.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Аутентичность личности — это способность человека быть верным своему Я: индивидуальной природе (полу, возрасту, темпераменту), пространственно-временным обстоятельствам жизни и предназначению. Теоретической основой понятия служат экзистенциальная, личностно-ориентированная и субъектная парадигмы диспозициональной аутентичности и концепт трудных жизненных ситуаций (ТЖС). **Цель.** Определить, есть ли связь между параметрами аутентичности, уровнем и паттернами ТЖС. **Исследовательский вопрос:** Как аутентичность личности связана с ТЖС? **Методы и материалы.** В исследовании приняли участие 316 студентов бакалавриата разных специальностей ($M_{\text{возраст}} = 19,4$ лет, $SD_{\text{возраст}} = 0,9$ лет, 251 женщина, 65 мужчин). Выраженность и паттерны ТЖС измерялись при помощи чек-листа *Трудные жизненные ситуации обучающейся молодежи*; диспозициональная аутентичность измерялась при помощи *Опросника аутентичности*, *Шкалы аутентичности* и *Московской шкалы аутентичности*. **Результаты.** Аутентичность связана отрицательно практически со всеми ТЖС, однако в регрессионных моделях показатели аутентичности выступают и как протекторы против ТЖС, и как факторы уязвимости к ним. На основании анализа латентных профилей по сочетанию аутентичности и доминирующих ТЖС выделено пять типов личности. **Выводы.** Показано, что аутентичность личности связана нелинейно с восприимчивостью к ТЖС, делая субъекта резистентным к одним трудностям и чувствительным к другим. Таким образом, аутентичность выступает не только как ресурс адаптации, но и как фактор уязвимости к трудностям.

Ключевые слова: аутентичность личности, студенты, трудные жизненные ситуации, ресурс, экзистенциальная психология, личностно-центрированная психология, психология субъекта

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 25-18-00394, <https://ias.rscf.ru/user/doc/a.w.p.2025.104.main/10465721>.

Для цитирования: Нартова-Бочавер, С.К., Байрамян, Р.М. (2026). Трудные жизненные ситуации и аутентичность личности (на примере российского студенчества). *Консультативная психология и психотерапия*, 34(1), 135—156. <https://doi.org/10.17759/cpp.2026340107>

Difficult life situations and personal authenticity: a case of the Russian students

S.K. Nartova-Bochaver ✉, R.M. Bayramyan

HSE University, Moscow, Russian Federation

✉ snartovabochover@hse.ru

Abstract

Context and relevance. Personal authenticity is the ability of a person to be true to oneself — individual nature (gender, age, temperament), spatial and temporal circumstances of life and calling. The theoretical basis is provided by the existential, person-oriented, and agent paradigms of dispositional authenticity and the concept of difficult life situations (DLS). **Objective.** To investigate if there is a relationship between the authenticity parameters, the level and the patterns of the DLS. **Research question:** How does personal authenticity relate to DLS? **Methods and materials.** The study involved 316 undergraduate students of different specialties ($M_{age} = 19,4$, $SD_{age} = 0,9$, 251 females, 65 males). The severity and patterns of DLS were measured using a checklist of *Difficult life situations of learning youth*; dispositional authenticity was measured using the *Authenticity Inventory*, the *Authenticity Scale*, and the *Moscow Authenticity Scale*. **Results.** Authenticity is negatively associated with almost all DLS; however, in regression models, authenticity indicators act both as protectors against DLS and as vulnerability to them. By means of LTA, based on a combination of authenticity and dominant DLS, five personality types have been identified. **Conclusions.** It is shown that personal authenticity is non-linearly related to susceptibility to DLS, making the subject resistant to some difficulties and sensitive to others. Thus, authenticity acts not only as a resource for adaptation, but also as a factor of vulnerability to difficulties.

Keywords: personal personality, students, difficult life situations, resource, existential psychology, person-oriented psychology, agent approach

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number 25-18-00394, <https://ias.rscf.ru/user/doc/a.w.p.2025.104.main/10465721>.

For citation: Nartova-Bochaver, S.K., Bayramyan, R.M. (2026). Difficult life situations and personal authenticity: a case of the Russian students. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 34(1), 135—156. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpp.2026340107>

Оставьте, доктор, ведь это — сердце.
Слышите, как оно бьется?!
И если от радости или от гнева
оно разорвется -
пусть разорвется.
Назым Хикмет.
Разговор с доктором.

Введение

Настоящая статья посвящена изучению того, как аутентичность личности связана с субъективным видением трудных жизненных ситуаций (ТЖС). Аутентичность личности — это способность человека быть верным своему Я — индивидуальной природе (полу, возрасту, темпераменту), пространственно-временным обстоятельствам жизни и предназначению (Вачков, Перемолотова, 2025; Нартова-Бочавер, Корнеев, Бочавер, 2024). Понятие аутентичности происходит от древнегреческого *αὐθεντικός* — «истинное», «правильное», «неподдельное» и *αὐθεντέω* — «быть полным энергии». Таким образом, аутентичный человек переживает свое бытие, во-первых, как подлинное, настоящее, неотчужденное, и во-вторых, как продуктивное, поскольку, заняв свою уникальную нишу, человек становится более конкурентным и может существовать на максимуме своих возможностей. Аутентичный человек не только понимает себя, но и умеет точно предъявить себя внешнему миру (Kadlac, 2018). В течение последних десятилетий запросы на развитие и поддержание своего истинного Я оказываются все более частым поводом консультативной и психотерапевтической работы (Liesenfeld et al., 2024); более того, аутентичность личности становится социально значимой ценностью (Hart et al., 2020).

Аутентичность личности как инструмент мониторинга «точности» своей жизни выполняет две основные функции: адаптивную и трансцендентную (Нартова-Бочавер, 2023; Galinha et al., 2022; Sutton, 2020). Адаптивная заключается в снижении эмоционального напряжения, вовлеченности в текущие события и, как итог, успешности в основных жизненных сферах (Sutton, 2020). Невозможность обретения аутентичности

приводит к хроническому стрессу и депрессии (Petersen, 2011). Исследования показывают, что аутентичность тесно связана с психологическим благополучием человека в разных его проявлениях (Нартова-Бочавер, Корнеев, Бочавер, 2024; Sutton, 2020). Трансцендентная функция состоит в открытии и реализации человеком смысла своего уникального пути через соотнесение с происходящими в Универсуме процессами и через обретение согласованности с изначальным замыслом, логосом личности (Cartwright et al., 2023; Liesenfeld et al., 2024).

Хотя между двумя функциями аутентичности личности присутствует определенное противоречие, они дополняют друг друга в соответствии с двумя аспектами феномена аутентичности: один побуждает принимать вызовы, другой обеспечивает энергией для ответа на них. Поэтому путь становления проявляется через напряжение индивидуации, движения личности от собственного несовершенства к идеальной самореализованности, что может сопровождаться дискомфортом и драматизацией (Baumeister, 2019; Topef, Sellman, Joseph, 2023). Как отмечала Л.И. Анцыферова (1981), подлинная (аутентичная) жизнь человека находится в точке несовпадения с самим собой, из которой ему предстоит выйти через испытания и трудности.

В настоящих момент в исследованиях наиболее авторитетны три концептуализации аутентичности личности: экзистенциальная, личностно-центрированная и субъектная (Нартова-Бочавер, Корнеев, Бочавер, 2024; Kernis, Goldman, 2006; Wood et al., 2008). Главным их отличием является локализация и природа истинного Я, которому верен аутентичный человек. Согласно экзистенциальной парадигме, аутентичность позволяет поддерживать баланс между личными желаниями и социальной ответственностью; таким образом, социум включен в понятие аутентичности (Kernis, Goldman, 2006). Согласно личностно-центрированной концепции, любое влияние извне представляет собой угрозу аутентичности; в силу этого подлинно живущий человек представляется «герметично» закрытым. Последнее вызвало критику из-за «культы индивидуализма», присущего этому подходу (Wood et al., 2008; Strohminger, Knobe, Newman, 2017). В соответствии с субъектной парадигмой, аутентичность — это социально обусловленный феномен, обеспечивающий связь с самим собой и миром; таким образом, личность понимается как открытая развивающаяся система, не избегающая вызовов, а принимающая их (Анцыферова, 1981; Нартова-Бочавер, Корнеев, Бочавер, 2024).

Хотя стремление обрести аутентичность — одно из наиболее сильных, оно регулярно подвергается стрессу (Cottingham, 1966). Как писал Джон

Гарднер, познать себя — это не только самое трудное, но еще и самое неудобное (Gardner, 1965). Поэтому желание быть собой не всегда побеждает внешние или внутренние испытания, а сохранение аутентичности имеет свою «цену». Например, в условиях небезопасной среды человек может поступиться своим истинным Я для достижения прагматичных целей (Birichi, 2015; Gardner, Prasad, 2022). Другие исследования отмечают, что аутентичность имеет «темные стороны», например, может быть связана с чертами «Темной триады», и такое сочетание приводит к искажениям в понимании своей телесности и чувств (Bulbus, Visu-Petra, 2024) либо контрпродуктивному поведению на работе (Brazier, 2020). Если желание чувствовать себя «настоящим» сочетается с потребностью в самоусилении, это может приводить проблемному гемблингу (Lister, Wohl, Davis, 2014). Таким образом, аутентичность как движущее начало личности сопряжена с принятием ответственности за собственные выборы и рисками неопределенности, что может создавать человеку проблемы.

В силу этого нельзя ожидать, что человек аутентично живущий застрахован от трудностей, а его подлинная, естественно протекающая жизнь будет легкой и безмятежной: стресс — это неотъемлемая часть человеческой жизни (Selye, 1978), однако аутентичный субъект проживает свои собственные неизбежные трудности, а отчужденный от своего Я — навязанные ему, чужие. Мы не можем предположить, что легче. Выбирая путь аутентичности, человек «подписывается» на готовность заплатить некоторую цену за чувство правильно прожитой, экзистенциально исполненной жизни. Исследования показывают, что именно в процессе совладания с негативными жизненными событиями аутентичность может рождаться и укрепляться (Джозеф, 2015; Yücel, 2020). Это позволило выдвинуть гипотезу генезиса аутентичности в стрессе (Нартова-Бочавер, 2023). Аутентичность наделяет человека чувством масштаба жизни, отделяя существенные события от незначительных и способствуя десенсибилизации к последним. С другой же стороны, отчужденность от своего Я создает комфортную не-вовлеченность, отстранение от жизненных вызовов и задач трансценденции.

Поиск своего места в жизни, в современном мире, отличающемся высокой подвижностью и неопределенностью, представляет собой важнейшую задачу каждого человека, но особенно критична она в молодости (Нартова-Бочавер и др., 2023). На наш взгляд, именно студенческая молодежь, с высокой рефлексией, амбициями и вариативностью траекторий взросления, представляет собой удачную целевую группу для исследования аутентичности. Особенно эвристичной представляется

оптика методологии трудных жизненных ситуаций (ТЖС) — субъективно воспринимаемых обстоятельств собственной жизни, сопряженных с напряжением, вызовами или угрозами. ТЖС описывается как ресурсоемкое, неподконтрольное субъекту, высоко неопределенное событие, требующее быстрого реагирования, но одновременно сложное для принятия решения, сопровождающееся беспокойством и опасением относительно собственной компетентности (Битюцкая, Докучаева, Корнеев, 2025). В то же время ТЖС — это чаще повседневные напряжения, обычно не доходящие до уровня экстремальных событий. Когда мы измеряем субъективно воспринимаемый уровень трудностей, мы фиксируем не только наличие в жизни человека определенных объективных обстоятельств или событий, но также меру его готовности взаимодействовать с этими вызовами или игнорировать их, степень его уязвимости/резистентности по отношению к данным явлениям.

Мы ожидаем, что высокоаутентичные люди менее чувствительны к повседневным трудностям, а также имеют паттерны ТЖС, отличные от низкоаутентичных людей. Таким образом, наличие этой черты не освобождает человека от напряжений, но задает определенную конфигурацию трудностей. В отсутствие достоверных предварительных данных мы ставим *исследовательский вопрос*: как аутентичность связана с воспринимаемыми трудностями текущей жизни?

Материалы и методы

Участники исследования. Всего участвовало 316 студентов ($M_{\text{возраст}} = 19,4$ лет, $SD_{\text{возраст}} = 0,9$ лет, 251 женщина и 65 мужчин); данные собирались в процессе изучения психологических дисциплин посредством сервиса Ika.si, участие было добровольным, студенты получали вознаграждение в виде академического кредита. Критериями включенности в выборку были принадлежность к студенческой молодежи и полное заполнение методик.

Методы исследования. Для измерения выраженности ТЖС был использован чек-лист *Трудные жизненные ситуации обучающейся молодежи (ТЖС-студ)*, включающий описание 49 трудных жизненных ситуаций, связанных с обучением в университете (Нартова-Бочавер и др., 2024). Утверждения объединены в восемь кластеров: *Адаптация к техническим условиям обучения, Адаптация к новой ступени обучения, Недостаток физических и психологических ресурсов, Организация занятий учебным*

заведением, Социальные условия обучения, Текущие жизненные задачи, Адаптация к новому месту, Потери и страх потерь. Каждое утверждение содержит одну из типичных трудностей студенческой жизни, относящуюся как учебным задачам, так и к фоновым событиям и обстоятельствам жизни, которые могут определять восприятие текущей жизни как затрудненной; утверждения оценивались дихотомически, фиксируя наличие/отсутствие трудности.

Для измерения диспозициональной аутентичности использовались три стандартизированных опросника, разработанных в рамках разных парадигм понимания феномена.

Опросник аутентичности Керниса-Голдмана включает 32 утверждения и четыре субшкалы, отражающие основные аспекты аутентичности, как они понимаются в экзистенциальной психологии: *Осознанность*, *Непредвзятость*, *Аутентичное поведение* и *Ориентация на отношения* (Нартова-Бочавер, Корнеев, Резниченко, 2022). Использовалась 5-балльная шкала Ликерта.

Шкала аутентичности Вуда и др. включает 11 утверждений и три субшкалы, соответствующие пониманию аутентичности в личностно-центрированной психологии: *Аутентичную жизнь*, *Принятие внешнего влияния* и *Самоотчужденность* (две последние — обратные). Используется 7-балльная шкала Ликерта.

Московская шкала аутентичности, МША (Reznichenko, Irkhin, Nartova-Bochaver, 2021) — включает пять утверждений; используется 5-балльная шкала Ликерта.

Статистический анализ данных осуществлялся в среде языка программирования «R» версии 2024.12.1, использовались корреляционный, регрессионный анализы (пакеты lme4, lmerTest), анализ латентных профилей (LPA) с использованием байесовского информационного критерия (BIC) (пакет mclust версии 6.1). Для разных задач анализа использовались car, dplyr, tidy, tibble и ggcorrplot.

Результаты

Дескриптивная статистика, надежность использованных шкал и корреляции переменных представлены в табл. 1. Все личностные опросники показали в нашем исследовании удовлетворительную или высокую надежность: чек-лист *ТЖС-студ* по некоторым кластерам показал невысокую надежность (что допустимо для нестандартизированного мето-

да), однако показатели позволяют осуществление дальнейшего анализа (Митина, 2015).

Таблица 1 / Table 1

**Дескриптивная статистика и надежность переменных
исследования (N = 316)**

Descriptive statistics and reliability of the variables investigated (N = 316)

	Переменные / Variables	M (SD)	Cronbach's α
1.	Адаптация к техническим условиям обучения / Adaptation to the technical conditions of training	0,61 (0,27)	0,60
2.	Адаптация к новой ступени обучения / Adaptation to a new level of learning	0,75 (0,25)	0,55
3.	Недостаток физических и психологических ресурсов / Lack of the physical and psychological resources	0,65 (0,22)	0,76
4.	Организация занятий учебным заведением / Organization of classes by the university	0,44 (0,25)	0,67
5.	Социальные условия обучения / Social conditions of learning	0,39 (0,26)	0,59
6.	Текущие жизненные задачи / Current life tasks	0,52 (0,31)	0,49
7.	Адаптация к новому месту / Adaptation to a new place	0,34 (0,29)	0,62
8.	Потери и страх потерь / Losses and fear of losses	0,44 (0,30)	0,31
9.	МША / MAS	17,44 (3,49)	0,71
10.	Осознанность / Awareness	27,00 (5,40)	0,82
11.	Непредвзятость / Unbiased processing	25,61 (5,44)	0,74
12.	Аутентичное поведение / Authentic behavior	26,51 (5,35)	0,74
13.	Ориентация на отношения / Relational orientation	31,55 (4,77)	0,83
14.	Аутентичная жизнь / Authentic living	11,71 (4,05)	0,67
15.	Принятие внешнего влияния / Accepting external influence	14,28 (5,50)	0,82
16.	Самоотчуждение / Self-alienation	16,75 (6,07)	0,85

Аутентичность связана отрицательно практически со всеми ТЖС, за исключением кластера *Адаптация к новому месту*: при этом прямые показатели аутентичности имеют положительные связи, а обратные (*при-*

нятие внешнего влияния и самоотчуждение) — отрицательные (табл. 2). Неожиданно наибольшее количество непротиворечивых связей образовали переменные личностно-центрированного подхода, *аутентичная жизнь* и *самоотчуждение*. На первый взгляд контринтуитивной оказалась положительная связь *ориентации на отношения* с двумя ТЖС, типичными для первокурсников, *адаптацией к техническим средствам и новой ступени обучения*.

Таблица 2 / Table 2

Корреляции переменных исследования (R_s) (N = 316)
Correlations of the variables investigated (R_s) (N = 316)

Переменная / Variable	Адаптация к техническим условиям обучения / Adaptation to the technical conditions of training	Адаптация к новой ступени обучения / Adaptation to a new level of learning	Недостаток физических и психологических ресурсов / Lack of the physical and psychological resources	Организация занятий учебным заведением / Organization of classes by the university	Социальные условия обучения / Social conditions of learning	Текущие жизненные задачи / Current life tasks	Адаптация к новому месту / Adaptation to a new place	Потери и страх потерь / Losses and fear of losses
МША / MAS	-0,03	-0,11	-0,35***	-0,14**	-0,27***	-0,08	0,06	-0,09
Осознанность / Awareness	-0,13*	-0,17**	-0,44***	-0,18***	-0,29***	-0,19***	-0,01	-0,08
Непредвзятость / Unbiased processing	-0,09	-0,11*	-0,22***	-0,04	-0,12*	-0,15**	0,01	-0,09
Аутентичное поведение / Authentic behavior	-0,03	-0,12*	-0,21***	-0,14**	-0,17*	-0,15**	-0,05	-0,08
Ориентация на отношения / Relational orientation	0,12*	0,16**	0,00	0,05	-0,06	-0,02	0,06	0,11
Аутентичная жизнь / Authentic living	-0,15**	-0,17**	-0,35***	-0,14**	-0,21***	-0,14**	0,00	-0,13**

Переменная / Variable	Адаптация к техническим условиям обучения / Adaptation to the technical conditions of training	Адаптация к новой ступени обучения / Adaptation to a new level of learning	Недостаток физических и психо- логических ресурсов / Lack of the physical and psychological resources	Организация занятий учебным заведением / Organization of classes_by_the_university	Социальные условия обучения / Social conditions of learning	Текущие жизненные задачи / Current life tasks	Адаптация к новому месту / Adaptation to a new place	Потери и страх потерь / Losses and fear of losses
Принятие внеш- него влияния / Accepting external influence	0,08	0,04	0,15**	0,03	0,14**	0,00	0,07	0,04
Самоотчужде- ние / Self-alien- ation	0,12*	0,20***	0,40***	0,18**	0,27***	0,20***	0,00	0,17**

Примечание: «*» — корреляция значима на уровне 0,05 (двусторонняя), «**» — на уровне 0,01, «***» — на уровне 0,001.

Note: «*» — correlation is significant at the 0,05 level (two-sided), «**» — at the 0,01 level, «***» — at the 0,001 level.

Поскольку корреляции показывают двустороннюю связь и есть косвенные данные, указывающие, что трудности могут оказывать воздействие на укрепление/разрушение аутентичности, в соответствии с нашей целью мы осуществили следующий шаг — построение регрессионных моделей для каждой из ТЖС; предикторами были восемь показателей диспозициональной аутентичности. Так как мультиколлинеарности между переменными-предикторами не наблюдалось, было решено анализировать в моделях предикторы одновременно (Таблица 3). Относительно пола гипотезы не выдвигались, но в тех случаях, где он был значимым предиктором, мы включали его в модель.

Регрессионный анализ показывает, что диспозициональная аутентичность в разных своих измерениях вносит вклад в интенсивность воспринимаемых ТЖС (за исключением трудностей *адаптации к новому месту*), причем это преимущественно отрицательный вклад. Хотя модели не очень сильны, они все же значимы; для каждой трудности получены свои паттерны предикторов. Два кластера трудностей оказались сензи-

Таблица 3 / Table 3

**Предикция ТЖС параметрами диспозициональной
аутентичности (N = 316)**

Prediction of DLS by the personal authenticity parameters (N = 316)

Модель и ее оценка	Предиктор	Регрессионные коэффициенты
Адаптация к техническим условиям обучения / Adaptation to the technical conditions of training		
F (8, 307) = 2,67, p = 0,008 R ² = 0,07, R ² adj = 0,04	Осознанность / Awareness	$\beta = -0,01, p = 0,030$
	Ориентация на отношения / Relational orientation	$\beta = 0,01, p = 0,007$
Адаптация к новой ступени обучения / Adaptation to a new level of learning		
F (9, 306) = 5,43, p = 0,000 R ² = 0,14, R ² adj = 0,11	Пол / Sex	$\beta = 0,11, p = 0,002$
	Осознанность / Awareness	$\beta = -0,01, p = 0,092$
	Ориентация на отношения / Relational orientation	$\beta = 0,01, p = 0,000$
	Принятие внешнего влияния / Accepting external influence	$\beta = -0,01, p = 0,059$
Недостаток физических и психологических ресурсов / Lack of the physical and psychological resources		
F (9, 306) = 11,48, p = 0,000 R ² = 0,25, R ² adj = 0,23	Пол / Sex	$\beta = 0,08, p = 0,007$
	Осознанность / Awareness	$\beta = -0,01, p = 0,004$
	Ориентация на отношения / Relational orientation	$\beta = 0,01, p = 0,006$
	Самоотчуждение /Self- alienation	$\beta = 0,01, p = 0,062$
Организация занятий учебным заведением / Organization of classes by the university		
F (8, 307) = 2,90, p = 0,004 R ² = 0,07, R ² adj = 0,05	Ориентация на отношения / Relational orientation	$\beta = 0,01, p = 0,026$
	Принятие внешнего влияния / Accepting external influence	$\beta = 0,01, p = 0,096$
Социальные условия обучения / Social conditions of learning		
F (8, 307) = 4,55, p = 0,000 R ² = 0,11, R ² adj = 0,08	МША / MAS	$\beta = -0,01, p = 0,020$

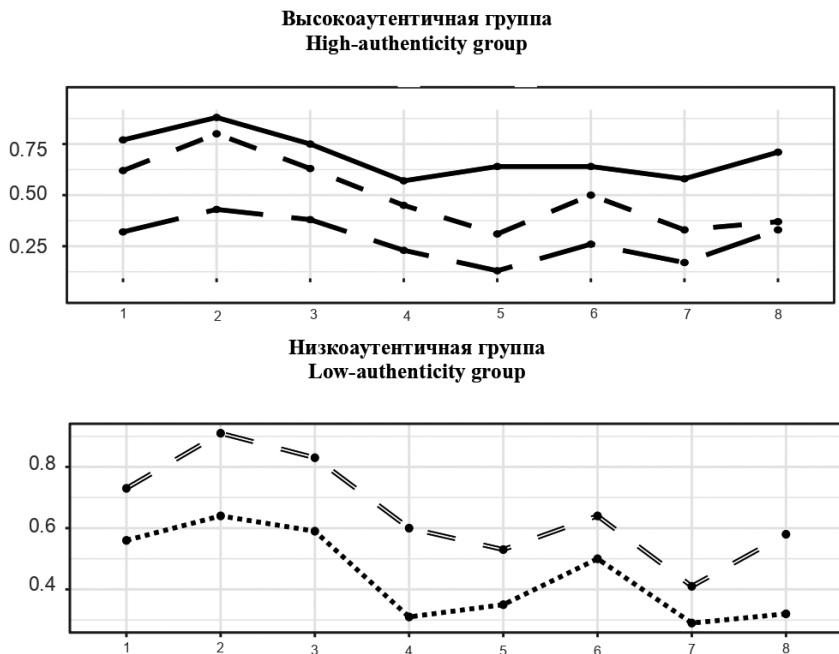
Модель и ее оценка	Предиктор	Регрессионные коэффициенты
Текущие жизненные задачи / Current life tasks		
F (8, 307) = 2,85, p = 0,005 R ² = 0,07, R ² adj = 0,05	Самоотчуждение / Self-alienation	$\beta = 0,01, p = 0,087$
	Принятие внешнего влияния / Accepting external influence	$\beta = -0,01, p = 0,019$
Потери и страх потерь / Losses and fear of losses		
F (8, 307) = 2,22, p = 0,026 R ² = 0,06, R ² adj = 0,03	Ориентация на отношения / Relational orientation	$\beta = 0,01, p = 0,014$

Примечание: связи, значимые на уровне тенденций, выделены курсивом.
Note: connections approaching significance are italicized.

тивны к полу — независимо от уровня аутентичности, девушкам субъективно труднее, чем юношам, адаптироваться к новой ступени обучения, и они сильнее ощущают недостаток ресурсов. *Осознанность* служит анти-предиктором трудностей *адаптации к техническим средствам*; и на уровне тенденции к значимой связи выступает анти-предиктором переживания трудностей *адаптации к новой ступени* (в сущности, студенческой жизни как новому жизненному укладу) и переживанию *нехватки ресурсов*, что для первокурсников представляет перманентную проблему. *Самоотчуждение* способствует чувствительности к трудностям, вызванному *нехваткой ресурсов*, и необходимостью *решения текущих задач* (также на уровне тенденции). Общий показатель аутентичности, измеряемый *Московской шкалой*, явился единственным анти-предиктором трудностей, связанных с социальными условиями обучения. Показатели *аутентичное поведение* и *аутентичная жизнь* не проявили себя в качестве предикторов восприятия трудностей вообще. Получены и контринтуитивные результаты; так, *принятие внешнего влияния* неожиданно оказалось анти-предиктором для трех кластеров трудностей, связанных с *адаптацией к новой ступени*, *неудобной организацией занятий*, и напряжению от *текущих жизненных задач*, таким образом выступая в качестве ресурса резистентности к этим трудностям.

Неоднозначность полученных данных, предположение о нелинейности связей и сама концептуализация феномена аутентичности, означающего поиск собственного пути становления, со всеми сопутствующими вызовами, побудила предпринять следующий шаг — анализ латентных профилей, направленный на категоризацию респондентов, исходя из симптомокомплексов целевых переменных. Конфигурационные про-

фили выделялись отдельно для итоговых показателей аутентичности, измеряемых при помощи всех трех методик. Для более детального были выделены высоко- и низкоаутентичная группы, для каждой из них отобраны наиболее оптимальные модели и определено наилучшее количество профилей в соответствии с индексом ВИС (рис).

Рис. Латентные профили ТЖС в зависимости от аутентичности (N = 316):

высокоаутентичная группа: — профиль 1; --- профиль 2; — · — · — профиль 3;
 низкоаутентичная группа: = = = профиль 4; ■■■ профиль 5; 1 — Адаптация к техническим
 условиям обучения; 2 — Адаптация к новой степени обучения; 3 — Недостаток
 физических и психологических ресурсов; 4 — Организация занятий учебным заведением;
 5 — Социальные условия обучения; 6 — Текущие жизненные задачи; 7 — Адаптация к
 новому месту; 8 — Потери и страх потерь.

Fig. Latent Profiles of Authenticity in the Context of DLS (N = 316): high-authenticity group:
 — profile 1; --- profile 2; — · — · — profile 3; low-authenticity group: = = = profile 4; ■■■
 profile 5; 1 — Adaptation to the technical conditions of training; 2 — Adaptation to a new level
 of learning; 3 — Lack of the physical and psychological resources; 4 —
 Organization_of_classes_by_the_university; 5 — Social conditions of learning; 6 — Current life
 tasks; 7 — Adaptation to a new place; 8 — Losses and fear of losses.

Группа высокоаутентичных респондентов ($N = 156$) оказалась более вариативной с точки зрения воспринимаемых ТЖС; в ней было выделено три дифференцированных профиля ($BIC = -192.41$), в то время как в группе низкоаутентичных ($N = 160$) — всего два ($BIC = -115.95$). Как и ожидалось, аутентичность не связана с восприимчивостью к ТЖС однозначно: в обеих группах выделяются как сильно сензитивные, так и вполне резистентные к трудностям респонденты. Во всех пяти идентифицированных при помощи анализа латентных профилей типах ведущий пик представлен выраженностью затрудненной *адаптации к новой ступени обучения*, что вполне отвечает основной задаче развития первокурсников. Что же касается снижений профиля, отражающих резистентность к трудностям, то именно они в основном и различают выделенные типы. Остановимся кратко на содержании выделенных типов.

Тип 1 (*Аутентичные восприимчивые*) характеризуется высокими показателями всех трудностей; отличительная черта респондентов этого типа — социальная сензитивность. Они испытывают не только напряжение от студенческих обязанностей, но также имеют самый высокий среди других групп показатель опасений из-за *потерь и страха потерь*. Можно предположить, что аутентичность способствует восприимчивости к новым условиям, непривычной социальной среде, а также делает интенсивной тревогу за близких, возможно, как раз в силу привязанности к людям и ответственности, однако все эти вызовы принимаются респондентами и переживаются как естественные, поддерживающие жизненный тонус и переживание осмысленности. Тип 2 (*Аутентичные амбициозные*) отличается умеренной сензитивностью к ТЖС, однако при этом избирательной уязвимостью к трудностям студенческой жизни, которые могут их дестабилизировать. К остальным трудностям, включая *тревогу из-за близких*, они достаточно резистентны. Тип 3 (*Аутентичные резистентные*) включает респондентов, демонстрирующих хорошую устойчивость к *вызовам текущей жизни*. При этом они не вытесняют проблемы, но могут эффективно с ними справляться. Очевидно, это наиболее адаптивный тип. Типы 2 и 3 также отличаются высокой толерантностью к проблемам, вызванным *Организацией занятий* и *Адаптацией к новому месту*, которые вообще не вызывают у них напряжения.

Тип 4 (*Самоотчужденные уязвимые*) характеризуется высокими значениями по всем кластерам трудностей, с особо выраженными затруднениями *адаптации к новой ступени обучения*, решения *текущим жизненным задачам*, переживанием *потерь и страха потерь*. Представителям этого типа сложно решать все текущие задачи, вдобавок они социально

сензитивны, тревожатся из-за повседневных контактов и из-за судьбы близких. Представляется, что они могут не справиться с этими вызовами, среди прочего, в силу слабого переживания подлинности своей жизни, что препятствует принятию этих вызовов как личностно релевантных. Наконец, тип 5 (*Самоотчужденные адаптированные*) — это респонденты, кажущиеся не включенными в повседневность, индифферентными к сигналам извне. Представляется, что их время от времени «пробуждают» задачи текущей студенческой жизни, но при этом социальное взаимодействие, и личное, и деловое, не рассматривается ими как источник беспокойства, скорее всего, в силу низкой ценности межличностных отношений. Это делает их достаточно резистентными к трудностям, вызванным присутствием других людей в их жизни, однако одновременно и не позволяет пережить «роскошь человеческого общения».

Обсуждение результатов

Проведенное исследование показывает, что аутентичность личности действительно связана с выраженностью воспринимаемых ТЖС, причем эта связь преимущественно отрицательная. Аутентичные люди в целом десенсибилизированы к текущим трудностям, и можно предположить, что аутентичность служит своеобразным фильтром для воздействия повседневных неприятностей. Исключение составил лишь такой аспект аутентичности, как *ориентация на отношения*: люди, для которых взаимодействие с другими представляет собой ценность, оказались более уязвимыми к ряду трудностей — когда речь идет об использовании технических средств обучения или адаптации к отличному от школьного режиму обучения и жизни. По размышлению, однако, можно предположить, что студенты, считающие глубокие искренние отношения важным аспектом подлинности жизни, страдают от избытка новых технических средств обучения — новых программ, электронного учебного офиса smart lms, которых не было в школе, и оттого, что на первом курсе еще не успели завести новых надежных друзей. Этот результат еще раз демонстрирует социальную природу аутентичности личности, в соответствии с рядом ранее полученных данных (Strohmingер, Knobe, Newman, 2017; Reznichenko, Irkhin, Nartova-Bochaver, 2021).

Дальнейший анализ показал более нюансированные и неожиданные результаты. Прежде всего, оказалось, что самые содержательно ясные параметры диспозициональной аутентичности, *аутентичное поведе-*

ние и аутентичная жизнь, вообще не предсказывают восприимчивость к текущим трудностям, т.е. среди носителей этих качеств могут быть как вполне безмятежные, так и сильно угнетенные переживаемыми напряжениями люди, либо что связи могут быть нелинейными, специфичными для высоко- и низкоаутентичных людей. Более того, такой аспект аутентичности, как *ориентация на отношения*, делает человека более чувствительным к разного рода стрессам, связанным с угрозой тесным, искренним отношениям, и, в конечном счете, более уязвимым, однако — и более живым. Неожиданно «гуманистично» проявил себя такой аспект аутентичности, как *принятие внешних влияний*, изначально маркирующий «несвободу» личности от воздействия других людей и неспособность защищать личностные границы: оказалось, что именно это качество делает человека более устойчивым к рутинным нарушениям организации и технологии студенческой повседневности, а именно, трудностям *адаптации к новой ступени обучения, организации занятий учебным заведением* и решения *текущих жизненных задач*. Эти данные вносят дополнительный позитивный смысл в понимание концепта *принятия внешних влияний*, демонстрируя, наряду с конформностью, присутствие в нем таких важных качеств, как сензитивность к обстоятельствам жизни и готовность к диалогу: те, кто уважают социальный мир, оказываются более толерантны к моментам, связанным с «технологией» их обучения в университете.

Анализ латентных профилей по показателям ТЖС дополнительно подтвердил сложную обусловленность восприимчивости к трудностям при высокой и низкой аутентичности. Выделенные пять типов личности (*Аутентичные восприимчивые, Аутентичные амбициозные, Аутентичные резистентные, Самоотчужденные уязвимые, Самоотчужденные адаптированные*) показывают, что не все люди, подлинно проживающие свою жизнь, устойчивы и безмятежны: напряжение индивидуации в ходе построения подлинного существования побуждает их принимать вызовы, в силу высокой вовлеченности в процесс жизни. Какие именно вызовы — зависит от того, как они видят свое предназначение, для кого-то это ответственность за успех обучения, для кого-то — участие в жизни близких. В группе низкоаутентичных респондентов также были выделены как тип адаптированных студентов, толерантных, или, возможно, индифферентных к вызовам извне, так и тип уязвимых к трудностям, которые, по-видимому, не готовы их принимать как личные задачи.

Таким образом, высокие показатели аутентичности не исключают переживание студентами трудных жизненных ситуаций. Высокая

аутентичность в одних случаях выступает защитным барьером, а в других усиливает субъективную готовность воспринимать мир как источник вызовов, испытаний и задач к исполнению. Низкая же аутентичность может, в силу отчуждения вызовов извне, уберечь человека от того, что происходит в реальном мире и его жизни, что тактически может быть адаптивным, а стратегически — разрушительным.

Заключение

Проведенное на достаточной студенческой выборке исследование, интегрирующее три подхода к диспозициональной аутентичности, посредством анализа корреляций, регрессионных моделей и латентных профилей подтвердило, что эта черта действительно связана с выраженностью воспринимаемых ТЖС, однако эта связь не прямая и не однозначная. Высокоаутентичные люди вовсе не защищены от испытаний и стрессов, в соответствии со смыслом феномена, реализующего не только адаптивную, но и трансцендентную функцию. Полученные результаты уводят от упрощенного статичного понимания аутентичности личности, раскрывая ее диалектическое содержание и как ресурса, и как источника уязвимости к жизненным вызовам: аутентичность — это выражение естественности, открытости жизни, со всеми ее рисками и несовершенствами, готовности принять неизбежное. Аутентичность личности гетерогенна, она подразумевает не только принятие себя, свободу самовыражения, сохранение уникальности, но также риски и уязвимости. Отсутствие аутентичности, самоотчужденность, вопреки существующим стереотипам, может выполнять функцию протектора от трудностей, вероятно, за счет ограничения контакта человека с жизнью и создания благодаря этому иллюзии собственной неуязвимости.

На основе полученных результатов создается возможность выстроить приоритетные направления более нюансированного изучения аутентичности студенческой молодежи, создания поддерживающей среды для перехода к новым условиям обучения и формирования адаптивных механизмов для поддержания ресурсности и гармоничного существования в образовательном пространстве, с его вызовами и трудностями.

Ограничения. Ограничения исследования связаны с несбалансированной по полу выборкой и включением только молодежи, причем сту-

денческой. Эти недостатки могут быть преодолены в дальнейших исследованиях.

Limitations. The limitations of the study may be related to a sex-unbalanced sample and the inclusion of only young people, and students. These disadvantages can be overcome in further research.

Список источников / References

1. Анцыферова, Л.И. (1981). О динамическом подходе к психологическому изучению личности. *Психологический журнал*, 2(2), 8—18.
Antsyferova, L.I. (1981). On a dynamic approach to the psychological study of personality. *Psychological Journal*, 2(2), 8—18. (In Russ.)
2. Битюцкая, Е.В., Докучаева, А.Г., Корнеев, А.А. (2025). Профили реагирования на жизненные изменения: восприятие ситуации и копинг-стратегии. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 22(1), 30—48. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2025-1-30-48>
Bityutskaya, E.V., Dokuchaeva, A.G., Korneev, A.A. (2025). Life change response profiles: perception of the situation and coping strategies. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 22(1), 30—48 (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2025-1-30-48>
3. Вачков, И.В., Перемолотова, И.А. (2025). Типологизация подходов к понятию аутентичности. *Проблемы современного образования*, 1, 31—41. <https://doi.org/10.31862/2218-8711-2025-1-31-41>
Vachkov, I.V., Peremolotova, I.A. (2025). Typology of approaches to the concept of authenticity. *Problems of modern education*, 1, 31—41. (In Russ.). <https://doi.org/10.31862/2218-8711-2025-1-31-41>
4. Джозеф, С. (2015). Что нас не убивает. Новая психология посттравматического роста. М.: Карьера Пресс.
Joseph, S. (2015). What doesn't kill us. A new psychology of post-traumatic growth. Moscow: Career Press. (In Russ.)
5. Митина, О.В. (2015). Альфа Кронбаха: когда и зачем ее считать. В: *Современная психодиагностика России. Преодоление кризиса: сборник материалов III Всероссийской конференции: В 2 т.: Том 1.* (с. 232—240). Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ.
Mitina, O.V. (2015). Cronbach's Alpha: when and why to count it. In: *Modern psychodiagnostics of Russia. Overcoming the crisis: collection of materials of the III All-Russian Conference: In 2 vols.: Vol. 1.* (pp. 232—240). Chelyabinsk: Publ. center YuUrGU. (In Russ.)
6. Нартова-Бочавер, С.К. (2023). Аутентичность личности как предиктор совладания со стрессом и возможный эффект стресса. *Человек*, 34(4), 130—150. <https://doi.org/10.31857/S023620070027357-9>
Nartova-Bochaver, S.K. (2023). Personal Authenticity as a Predictor of Coping with Stress and Possible Effect of the Stress. *Chelovek*, 34(4), 130—150. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S023620070027357-9>

7. Нартова-Бочавер, С.К., Бардадымов, В.А., Ерофеева, В.Г., Хачатурова, М.Р., Хачатрян, Н. (2024). Трудные жизненные ситуации обучающейся молодежи. *Вопросы образования*, 2, 170—202. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17187>.
Nartova-Bochaver, S.K., Bardadymov, V.A., Yerofeyeva, V.G., Khachaturova, M.R., Khachatryan, N.G. (2024). Difficult life situations of modern learning youth. *Voprosy Obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, 2, 170—202. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17187>.
8. Нартова-Бочавер, С.К., Ерофеева, В.Г., Байрамян, Р.М., Чулюкин, К.С. Повседневные представления об аутентичности: от детства к юности. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 20(3), 523—547. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2023-3-523-547>
Nartova-Bochaver, S.K., Yerofeyeva, V.G., Bayramyan, R.M., Chulyukin, K.S. (2023). Everyday Representations of Authenticity: From Childhood to Youth. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 20(3), 523—547. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2023-3-523-547>
9. Нартова-Бочавер, С.К., Корнеев, А.А., Бочавер, К.А. (2024). Субъектная концепция аутентичной личности: обоснование и эмпирическая верификация. *Психологический журнал*, 45(5), 23—33. <https://doi.org/10.31857/S0205959224050033>
Nartova-Bochaver, S.K., Korneev, A.A., Bochaver, K.A. (2024). The Agent Concept of the Authentic Personal: Justification and Empirical Verification. *Psychological journal*, 45(5), 23—33. <https://doi.org/10.31857/S0205959224050033>
10. Нартова-Бочавер, С.К., Корнеев, А.А., Резниченко, С.И. (2022). Краткая версия опросника аутентичности Керниса-Голдмана: адаптация в России. *Консультативная психология и психотерапия*, 30(3), 150—171. <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300309>
Nartova-Bochaver, S.K., Korneev, A.A., Reznichenko, S.I. (2022). A Short Version of the Kernis-Goldman authenticity Inventory: Adaptation in Russia. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 30(3), 150—171. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300309>
11. Baumeister, R.F. (2019). Stalking the True Self Through the Jungles of Authenticity: Problems, Contradictions, Inconsistencies, Disturbing Findings — And a Possible Way Forward. *Review of General Psychology*, 23(1), 143—154. <https://doi.org/10.1177/1089268019829472>
12. Birichi, D.K. (2015). *Minority Stress and Well-being in Adult Gay Men: The Mediating Role of Authenticity: Diss. Dr. Sci (Philos.)*. University of Miami. Miami.
13. Cartwright, T., Hulbert-Williams, L., Evans, G., Hulbert-Williams, N. (2023). Measuring authentic living from internal and external perspectives: A novel measure of self-authenticity. *Social Sciences & Humanities Open*, 8(1), article 100698. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2023.100698>
14. Cottingham, H.F. (1966). The challenge of authentic behavior. *The Personnel and Guidance Journal*, 45(4), 328—336.

15. Galinha, I.C., Balbino, I.F., Devezas, M. ., Trigo, B.R. (2022). Authenticity is Associated with Psychological and Subjective Well-being: Convergence Between the Self-report and Informant's Report. *Journal of Humanistic Counseling*, 62(2), 77—96. <https://doi.org/10.1002/johc.12173>
16. Gardner, J.W. (1995). *Self renewal: The individual and the innovative society*. NY-London: W.W. Norton & Company.
17. Gardner, D.M., Prasad J.J. (2022). The Consequences of Being Myself: Understanding Authenticity and Psychological Safety for LGB¹ Employees. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, June, 1—10. <https://doi.org/10.1111/joop.12399>
18. Hart, W., Richardson, K., Breeden, C.J., Kinrade, C. (2020). To Be or to Appear to Be: Evidence that Authentic People Seek to Appear Authentic Rather than Be Authentic. *Personality and Individual Differences*, 166. Article 110165. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110165>
19. Kadlac, A. (2018). The Challenge of Authenticity: Enhancement and Accurate Self-Presentation. *Journal of applied philosophy*, 35(4), 790—808. <https://doi.org/10.1111/japp.12266>
20. Kernis, M.H., Goldman, B.M. (2006). A multicomponent conceptualization of authenticity: theory and research. *Advances in Experimental Social Psychology*, 38, 283—357. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(06\)38006-9](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(06)38006-9)
21. Liesenfeld, K.M., Lebedinski, S., Parks, A.K., Dammann, O. (2024). Developmental authenticity-underlying dynamics of inner work processes. *Frontiers in Psychology*, 15. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1231484>
22. Lister, J.J., Wohl, M.J.A., Davis, C.G. (2015). The Dark Side of Authenticity: Feeling “Real” While Gambling Interacts with Enhancement Motives to Predict Problematic Gambling Behavior. *J Gambl Stud*, 31, 995—1003. <https://doi.org/10.1007/s10899-014-9460-7>
23. Petersen, A. (2011). Authentic Self-realization and Depression. *International Sociology*, 26(1), 5—24. <https://doi.org/10.1177/0268580910380980>
24. Reznichenko, S.I., Irkhin, B.D., Nartova-Bochaver, S.K. (2021). Do authentic people care about the environment? A view from two paradigms. *Psychology in Russia: State of the Art*, 14(3), 81—102. <https://doi.org/10.11621/pir.2021.0305>
25. Selye, H. (1978). *The stress of life* (Revised ed.). New York: McGraw-Hill.
26. Strohminger, N., Knobe, J., Newman, G. (2017). The true self: A psychological concept distinct from the self. *Perspectives on Psychological Science*, 12(4), 551—560. <https://doi.org/10.1177/17456916166689495>

---

¹ Деятельность Международного общественного движения ЛГБТ и его структурных подразделений в РФ запрещена (решение Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2023).

Нартова-Бочавер С.К., Байрамян Р.М. (2026)
Трудные жизненные ситуации
и аутентичность личности...
Консультативная психология и психотерапия,
34(1), 135—156.

Nartova-Bochaver S.K., Bayramyan R.M. (2026)
Difficult life situations and personal
authenticity: a case of the Russian students
Counseling Psychology and Psychotherapy,
34(1), 135—156.

27. Sutton, A. (2020). Living the good life: A meta-analysis of authenticity, well-being and engagement. *Personality and Individual Differences*, 153, article 109645. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.109645>
28. Tooper, A., Sellman, E., Joseph, S. (2023). The prosocial and pro-environmental aspects of authenticity and the mediating role of self-transcendence. *Person-Centered & Experiential Psychotherapies*, 23(4), 461—474. <https://doi.org/10.1080/14779757.2023.2255634>
29. Wood, A.M., Linley, P.A., Maltby, J., Baiouisis, M., Joseph, S. (2008). The Authentic Personality: A theoretical and empirical conceptualization and the development of the Authenticity Scale. *Journal of Counseling Psychology*, 55(3), 385—399. <https://doi.org/10.1037/0022-0167.55.3.385>
30. Yücel, E., Karanfil, D., Emine, İ. N.A.N. (2020). Understanding the Mental Health Implications of Emotion Regulation: A Journey Through Authenticity. *Psikoloji Çalışmaları*, 40(2), 477—512. <https://doi.org/10.26650/sp2019-0042>

Информация об авторах

Софья Кимовна Нартова-Бочавер, доктор психологических наук, профессор департамента психологии, заведующая Научно-учебной лабораторией лабораторией Психологии салютогенной среды, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>, e-mail: snartovabochaver@hse.ru

Роксана Мамиконовна Байрамян, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Научно-учебная лаборатории психологии салютогенной среды, Департамент психологии, Факультет социальных наук; заместитель главного редактора, Редакция журнала «Психология. Журнал Высшей школы экономики», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0412-4495>, e-mail: roksana.bayramyan@mail.ru

Information about the authors

Sofya K. Nartova-Bochaver, Doctor of Psychology, Professor, Laboratory Head, Chief Research Fellow, Laboratory for the Psychology of Salutogenic Environment; Professor, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>, e-mail: snartovabochaver@hse.ru

Roksana M. Bayramyan, PhD in Psychology, Senior Research Fellow, Laboratory for the Psychology of Salutogenic Environment; Professor, School of Psychology, Faculty of Social Sciences; Deputy editor-in-chief, Editorial Board of the Journal “Psychology. Journal of the Higher School of Economics”, HSE University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0412-4495>, e-mail: roksana.bayramyan@mail.ru

Нартова-Бочавер С.К., Байрамян Р.М. (2026)
Трудные жизненные ситуации
и аутентичность личности...
Консультативная психология и психотерапия,
34(1), 135—156.

Nartova-Bochaver S.K., Bayramyan R.M. (2026)
Difficult life situations and personal
authenticity: a case of the Russian students
Counseling Psychology and Psychotherapy,
34(1), 135—156.

Вклад авторов

Нартова-Бочавер С.К. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Байрамян Р.М. — применение статистических, математических или других методов для анализа данных; визуализация результатов исследования; написание рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Sofya K. Nartova-Bochaver — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Roksana M. Bayramyan — application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; conducting the experiment; visualization of research results; writing of the manuscript.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Комиссией по этической оценке эмпирических исследовательских проектов департамента психологии НИУ ВШЭ (протокол № 1 от 01.02.2024 г.).

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Commission for the ethical evaluation of empirical research projects of the department of psychology of the HSE university (report no 1, 2024/02/01).

Поступила в редакцию 07.07.2025

Received 2025.07.07

Поступила после рецензирования 23.10.2025

Revised 2025.10.23

Принята к публикации 28.12.2025

Accepted 2025.12.28